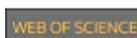

Мохаммед Адам Э. А. Семантический комплекс путешествия в творчестве А. Г. Битова / Э. А. Мохаммед Адам, А. Г. Коваленко // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 202—217. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-202-217.

Mohammed Adam, E. A., Kovalenko, A. G. (2021). Semantic Complex of Travel in Work of A. G. Bitov. *Nauchnyi dialog*, 2: 202-217. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-202-217. (In Russ.).

УДК 821.161.1Битов.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-202-217

СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПУТЕШЕСТВИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А. Г. БИТОВА

© Мохаммед Адам Эльрашид Али (2021), orcid.org/0000-0003-2058-2901, аспирант, ассистент кафедры русской и зарубежной литературы, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов» (Москва, Россия), mody.adams@mail.ru.

© Коваленко Александр Георгиевич (2021), orcid.org/0000-0002-6747-285X, Web of Science ResearcherID Y-2821-2018, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов» (Москва, Россия), ak-taurus@mail.ru.

Анализируется семантический комплекс путешествия в творчестве Андрея Битова. Доказано, что диапазон травелогов у писателя весьма широк, они коррелируют друг с другом. Авторы утверждают, что в широком смысле литературные путешествия А. Битова складываются в обширный каталог путешествий, в котором представлены всевозможные виды воплощения художественного пространства и времени. Помимо этого, творчество писателя рассматривается как воплощение вектора движения в «пространстве свободы», как пространство «тоски по культуре». Особое внимание уделяется циклу повестей о советских республиках, где были найдены важные для писателя инструменты создания образа Империи — рефлексующий и вопрошающий автор (сократический диалог). Также поднимается вопрос о позиции венаходимости (М. Бахтин) и остранения (В. Шкловский). Новизна исследования видится в том, что повести о путешествиях стали в то же самое время и остраненным повествованием о России. Сделан вывод о том, что семантический комплекс путешествия в творчестве А. Битова соединяет географическое (физическое) и духовное (метафизическое) пространства, то есть внешний объективный мир и внутреннее духовно-интеллектуальное пространство.

Ключевые слова: жанр путешествия; травелог; А. Битов; Армения; Грузия.

1. Введение

Личность и творчество Андрея Битова занимают особое место в русской литературе XX века, и эта особенность становится все более очевидной по мере того, как в сознании читателей укладывается мысль о безвозвратном

уходе писателя из жизни 3 декабря 2018 года. Все более отчетливой становится и другая мысль — творчество А. Битова нуждается в последовательном научном осмыслении в контексте русской литературы. Признаки жанра путешествия в прозе писателя наблюдаются уже в его ранних повестях («Путешествие к другу детства», «Путешествие в Среднюю Азию», «Уроки Армении» и «Грузинский альбом»), и об этом в работах об А. Битове говорится достаточно много [Гурьянова, 2009; Эпштейн, 1978; Якунина, 2009 и мн. др.]. Однако говорить просто о приоритете этого жанра недостаточно. Взятое в полном объеме и широком смысловом контексте практически все творчество А. Битова демонстрирует тяготение к единому семантическому комплексу, которое «путешествием» можно назвать условно. Это не просто путешествие в физическом смысле слова как преодоление пространства, а, скорее, *метафизическое путешествие*, когда физическое пространство и время представляют собой лишь частный, конкретный случай.

Большинство исследователей делают акцент на «инородности» творчества А. Битова, которой отмечено его творчество с самого начала, с 60-х годов прошлого столетия. Н. Иванова пишет об особенностях творчества А. Битова так: «сам себе — романист <...> рассказчик, географ-историк-эссеист» [Иванова, 1988, с. 167], ломающий саму возможность «зачислять писателей в “обоймы” и рассуждать “поколениями”» [Там же, с. 167]. И, добавим, А. Битов «сам себе» путешественник, литературный критик и философ. Спустя несколько лет А. Генис, как бы продолжая высказанную мысль, пишет о том, что А. Битов смог перешагнуть некий рубеж, отделив постсоветскую литературу от советской, как будто этого рубежа не было [Генис, 1999]. Гораздо реже творчество Битова рассматривалось как громадный «гипертекст», с одной стороны, охватывающий огромные географические пространства, а с другой — уводящий в метафизические глубины сознания.

2. Путешествие по Империи (географическое)

Книга очерков А. Битова «Уроки Армении» вышла в свет в 1969 году. История ее появления связана с различными парадоксальными стечениями обстоятельств. В своих воспоминаниях писатель постоянно упоминает Японию как предмет своих мечтаний о дальних странствиях. Мечта не сбылась, «невыездному» и неблагонадежному молодому автору Союз писателей не мог разрешить визит в капиталистическую страну. Впрочем, А. Битов не был здесь одинок, оттепель закончилась, молодые «шестидесятники» стали испытывать на себе особую отеческую «опеку» со стороны властей. В опалу попали В. Аксенов, А. Вознесенский, В. Войнович,

Е. Евтушенко и многие другие молодые либералы. Началось время «закручивания гаек».

Вместо Японии «случилась» Армения. Молодой ленинградский прозаик, выпускник Высших сценарных курсов в Москве получил в 1967 году задание отправиться в редакцию центральной газеты Армении и написать там очерк о новой архитектуре столицы солнечной республики. Но и здесь произошли «накладки». Задание не было выполнено ни в жанровом, ни в тематическом отношении, однако, несмотря на это, результат превзошел ожидания. Текст вышел далеко за границы обычного газетного очерка: вместо столицы предметом изображения стала вся Армения, вместо рассказа о новом социалистическом строительстве получился эмоциональный рассказ об этой многострадальной земле, ее богатейшей истории, людях, культуре и языке. День сегодняшний увел повествование в далекое прошлое. Но и об уникальной архитектуре Армении, овеванной веками времени, писатель тоже рассказал немало.

А. Битов не был первооткрывателем Армении. В начале XX века В. Брюсов познакомил русского читателя с богатством поэзии этой замечательной страны, переведя на русский язык стихи ее великих поэтов. Двадцатым января 1916 года датировано одно из его самых точных и проникновенных стихотворений «К Армении». В. Брюсов создает портрет красивой страны с богатой и славной историей, с ее благородными мужами и красивыми женщинами, с ее мудростью и военной доблестью. В самом начале 1930-х годов написан знаменитый в истории русской литературы очерк О. Мандельштама «Путешествие в Армению». Интертекстуальные взаимоотношения А. Битова и О. Мандельштама в контексте рассматриваемых произведений об Армении очевидны.

Повесть «Уроки Армении» писалась больше года, хотя Андрей Битов пробыл в Армении всего лишь десять дней. «Я прожил в этой книге много дольше, чем в Армении. Каждый день прибавлял мне так много, что описывать его приходилось месяц» [Битов, 2013, с. 147]. Книга в итоге оказалась неожиданно большой, и по этому поводу А. Битов с юмором писал о том, какое здоровье у него было, чтобы написать эту повесть так быстро.

Писатель нередко отмечал, что уже в начале творения важно видеть будущую книгу целиком, в ее нераздельном и «свернутом» виде, а вдохновение поможет «развернуть» ее во всей стройности и конкретности. Так, импульсом для развертывания текста во времени стала метафора «урока». Композиционно текст состоит из отдельных «уроков», которые складываются в системную «учебную программу»: «Урок языка», «Урок истории», «Урок географии», «Уроки веры», особняком стоят главы «Кавказский пленник»,

«Страсти градостроителя», «У старца». Циклическая завершенность «программы» подчеркнута завершающим рассказом «После уроков».

Понятие урока осмысливается широко — и прежде всего в культурно-историческом контексте: то, что увидел писатель в маленькой стране, становится примером для всего мира. И. Золотусский определил повести А. Битова как «урок для современной прозы» [Золотусский, 1975, с. 24]. Книга не соответствовала стереотипам восприятия советского читателя, она была слишком «свободна», «умна» и одновременно «раскованна».

Благодаря устойчивому для творческого сознания писателя семантическому комплексу путешествия, «Уроки Армении» удачно вписались в создающийся «метацикл». Промежуточным итогом этого движения станет издание книги «Путешествие из России», куда, кроме «Уроков Армении», вошли и другие повести: «Колесо», «Наш человек в Хиве», а также повесть «Одна страна (Путешествие Бориса Мурашова)».

Чрезвычайно интересен подтекст произведения «Уроки Армении». Позднее А. Битов обмолвился, что «книга была написана не об Армении, а о России, «о другой, чем Россия, стране» [Битов, 2013, с. 501]. Высказывание чрезвычайно любопытное и вызывающее многочисленные вопросы. Эта фраза, очевидно, содержит в себе парадокс, подразумевающий очень многое. Чтобы понять битовское выражение, нужно вспомнить высказывание М. М. Бахтина о «трансгredientности», или «внеаходимости», писательского мышления, связанной с потребностью природы художественного мышления посмотреть на мир из-за пределов своего времени, с «точки зрения вечности». Тогда становится понятной динамика и смысл течения времени. С бахтинским тезисом о трансгredientности соотносится и понятие «остранение», введенное В. Шкловским, толкуемое еще шире — «взгляд со стороны», притом не только в пространственном измерении, как у Бахтина, но и в любом ином — в интеллектуальном, нравственном, стилистическом, языковом, жанровом и т. д.

Все сказанное имеет прямое отношение к Битову, его высказыванию и, шире, к его творческому методу. Более того, А. Битов вдвойне «внеположен» и «остранен». Первый шаг — внеаходимость иной (армянской) культуры. Второй шаг — «обратный», внеаходимость русской культуры в контексте армянской. Но есть и третий шаг — внеаходимость русской культуры должной, идеальной, по отношению к русской культуре существующей, ущербной.

Семантический комплекс путешествия имеет здесь свой онтологический, познавательный смысл. А. Битов утверждает, что познание России возможно только сквозь пространство и время другой страны, другой куль-

туры и истории: «Всем известно — путешествие расширяет кругозор. Это верно. Но заключается это расширение в том, что шире видишь родину» [Цит. по: Плоткин, 2017].

История публикации «Уроков Армении» завершается маленьким триумфом. Битов стал известен и узнаваем для русского читателя, с одной стороны, как автор новаторского текста, открыватель давно известной, но «неизведанной» страны. С другой стороны, он стал невольным героем Армении: «Подвиг писателя не осознается им самим, — писала Е. Шуваева-Петросян. — Стихийный порыв привел к тому, что Битова, как и его предшественников — Брюсова, Мандельштама, — почитают в Армении, как святого» [Шуваева-Петросян, 2018].

Важным и даже новаторским параметром в семантическом комплексе путешествия стал заново осмысленный принцип «остранения»: путешествие вовне, в другую страну, стало поводом и возможностью для глубокого понимания своей страны и места личности в ней. Автор создает «двойной вектор» остранения — от «своей территории» к «чужой» и, наоборот, от «чужой территории» к «своей». Двойной, «челночный» взгляд — способ «стерескопического видения» пространства.

Семантический комплекс путешествия предполагает последовательное осуществление принципа преодоления пространства как закона его освоения — физического, географического и духовного, онтологического. У А. Битова он найдет наиболее глубокое воплощение в повестях «Уроки Армении», «Грузинский Альбом». «Наш человек в Хиве». Тематически он представляет собой описание поездок в республики СССР. Однако поездки стали не только способом получения впечатлений от экзотических территорий. Повести стали движением от «физики» к «метафизике» — способом духовного постижения личности, страны, народа, нации, культуры, истории и шире — познания себя и смысла существования.

А. Битов уже углубился в «Империю», не осознавая пока еще общего замысла, не догадываясь, что в 1960 году первая фраза ее уже написана: «Хорошо бы начать книгу, которую можно писать всю жизнь...» [Битов, 2013, с. 504]. Вся последующая творческая жизнь писателя оказалась подчиненной единому замыслу — созданию единого, хотя и дискретного — текста, запечатлевшего единое пространство и время.

3. Путешествие вглубь души

А. Битов, как подчеркивал В. Ерофеев, «является первым писателем или одним из первых в современной русской прозе, кто заговорил о слабости человека, о его душевных пределах, об эмоциональном “оледенении”»

[Цит. по: Шевченко]. А. Битов — автор темы одиночества и отчуждения современного человека, темы, неразрывно связанной с художественным осмыслением проблем человеческого бытия, тех пределов, в которых пребывает и реализует себя «Я» каждого.

В ранних произведениях А. Битова герой, как пишет Т. А. Сотникова, «не может идентифицировать себя с действительностью, но по причинам не идеологическим, а экзистенциальным. Этим он отличается от литературных героев большинства авторов-шестидесятников» [БРЭ, с. 94]. В повести «Бездельник» автор вышел на неожиданный образ молодого человека — «бездельника». Его волнует лишь то, что имело прямое отношение к нему лично, внешний мир дан бездельнику опосредованно. Для него важны не люди или события, а его собственные психологические реакции на окружающий его мир.

Тот факт, что герой раннего творчества А. Битова имеет «дифференциальные отличия», был отмечен некоторыми литературоведами, не только российскими, но и зарубежными. Так, Л. Шевченко, ссылаясь на работу Терезы Дудек-Листван, отмечает, что в появившихся в эти же и последующие годы работах американских славистов Э. Чансес, К. Шоу и др. «была выявлена экзистенциальная составная битовского психологизма, а в качестве основной декларирована тенденция отчуждения битовского героя от действительности как таковой» [Шевченко, с. 4].

Свобода и произвольность повествования проявляется, в частности, в возможности комбинировать написанное с дополнительными комментариями. Комментарий становится тогда чуть ли не самостоятельной составляющей изложения сюжета, приобретая сюжетную автономность. Диапазон размышлений простирается от лирической эмоциональности до критического неприятия и иронической усмешки, интонационный регистр также чрезвычайно широк — от серьезного осмысления событий до «наивных» вопросов, требующих или подчас не требующих ответов. Его всегда волнуют существенные первоосновы бытия, встреча человека с феноменом жизни в самом широком смысле слова — от океанских глубин и небесных сфер до тайны души одной отдельно взятой личности.

В поисках идентичности героя Битов обращается к приему совмещения (синтеза) документального и художественного начал. Это «сопряжение» двух модусов повествования особенно наглядно проявляется в книгах «Записки из-за угла» и «Жизнь в ветреную погоду». В них нашло выражение стремление к созданию метапрозы, книги «самоопределения человека пишущего». Первая из названных книг написана от первого лица в виде дневника автора, другая — рассказ о тех же событиях от лица героя.

Как справедливо замечает исследовательница И. А. Якунина, происходит «смещение границы текстуальных миров» [Якунина, 2009, с. 9].

Благодаря тому, что писатель ставит рядом два текста, «документальный» и «художественный», возникает эффект стереоскопичности восприятия. Об одном и том же сказано по-разному. В результате возникает ощущение двойственности сознания героя, нарушающей «автоматизм» существования. Выход из тупика возможен при полном осмыслении личностью разницы между двумя онтологическими категориями: «я-для-себя» и «другой для меня» (М. Бахтин).

В своем раннем творчестве А. Битов следует лучшим традициям русской классической литературы. Передавая свои чувства, автор раскрывает глубины своего восприятия окружающего мира, а его внутренняя жизнь становится объектом психологического анализа. А. Битову свойственно желание говорить о себе, о своих особенностях как писателя, человека, что наиболее ярко проявилось позже в «Пушкинском доме». Проблема художественного выражения авторского сознания становится одной из центральных в «Книге путешествий». Личность автора-повествователя максимально акцентируется в «Уроках Армении» и «Грузинском альбоме».

Интерес А. Битова к Армении и Грузии обусловлен биографической компонентой. И совсем не случайно, полушутя-полусерьезно, А. Битов определял жанр этих книг как *автогеографию*: «...а вот эту книгу еще чувствую себя обязанным написать — автогеографию. Не автобиографию, а именно автогеографию» [Битов, 2020]. В этом определении есть не только каламбур, но схвачена важная связь судьбы человека и пространства, в котором эта судьба раскрывается. В этом определении обнажается еще одна сторона семантического комплекса путешествия — личностная: человек есть путешественник по пространству своей судьбы.

Самоопределение начинается с имени и фамилии, поэтому А. Битову интересны происхождение и семантика его фамилии, а также история рода. Долгие поиски приводят его к узнаванию своих корней. Парадоксальным образом обнаруживается, что тяготение к Кавказу было не случайным, так как его «отец был черкесом в пятом поколении» [Там же], следовательно, появление повестей о Грузии и Армении было предопределено судьбой, то есть история этих книг несет в себе след судьбы, имеет биогеографические причины, пусть и едва видимые.

В путешествиях отражена смена мировоззренческих приоритетов и ценностей писателя, эволюция его взглядов на человека и мир. Один из главных вопросов битовского творчества таков: в чём предназначение человека, в реальной жизни или творчестве? Можно ли достичь гармонии между жизнью

и творчеством, способностью любить и способностью творить, способностью верить и способностью мыслить? В каком-то смысле всё творчество А. Битова ориентировано на решение этой проблемы: жить полной жизнью и при этом творить, заниматься творчеством не в ущерб собственной жизни? Приводя в пример классиков XIX века, А. Битов пишет: «...они это написали между прочим, в самой своей жизни, внутри нее, а не между жизнью. Жизнь у них еще не делилась на жизнь и работу» [Битов, 2009, с. 80].

Систему персонажей, а часто и прозу А. Битова в целом, характеризует внимание к границам и отсутствие этих границ между текстовым и внетекстовым, реальным и вымышленным, автором и героями.

А. Битов затрагивает и раскрывает в своем творчестве экзистенциальную проблему: будучи внутри чего-то, мы не можем увидеть, внутри чего находимся. Можно увидеть себя в зеркале, но зеркало искажает отражение, как и текст искажает жизнь. Обратную сторону вещей можно увидеть, покинув предел человеческого. Жизнь, по А. Битову, — это вечный поиск утраченного, и только утратив что-либо, человек может понять, что именно это было. В течение жизни он безнадежно ищет утраченную симметрию [Битов, 2008], и текст в этом плане дополняет жизнь через отражение в нём несимметричного предмета. Достичь симметрии можно, только совместив жизнь с преобразующим жизнь текстом.

Размышления о творчестве и роли художника присутствуют в рассказе «Автобус», повести «Жизнь в ветреную погоду», в «Уроках Армении» и в «Грузинском альбоме». Тема творческого человека в рассказах и путешествиях А. Битова теснейшим образом связана с самоопределением писателя. Герой Битова очень часто оказывается творческим человеком, либо, наряду с вымышленным персонажем, в повесть или роман вводится образ остроумного рассказчика, успевающего не только описывать злоключения своего героя, но и выступать в качестве литературного критика, анализируя творимый текст. Главный герой А. Битова является рефлексирующим созерцателем.

Соотношение собственного «я», автора в своих произведениях и себя как интервьюируемого Битов определяет так: «Когда я говорю “я” — это автор. Не надо путать автора с “я”. Автор — это не я, а я — это не автор. В этой книге ничего не придумано, кроме автора... Пишу не я, который с Вами разговаривает. Да и я, который с Вами разговаривает, это не я — это уже полуписьменное состояние» (из интервью). В этом автопризнании отчетливо выражено понимание позиции «трансгредентности» (М. Бахтин) автора к своему герою, а также писателя по отношению к категории «автор». «Автобиографическим» текст А. Битова лишь кажется, на самом деле в нем выявляются диалогические отношения автора и героя.

4. Путешествие вглубь прошлого и настоящего

Творческий путь писателя — это его эволюция. Эволюцию А. Битова можно определить как движение от препарирования мироощущения отдельного индивида к проблеме понимания сложных межличностных отношений в обществе. Углубление психологизма в повествовании в «Книге путешествий» выражается и в том, что оно ведётся в двух временных аспектах — настоящем и прошедшем. Это связано с тем, что меняется позиция повествователя: она то синхронна с изображаемым, то ретроспективна.

В «Пушкинском доме» образ молодого героя, находящегося в поисках себя в жизни, сближает прозу А. Битова с исповедальными тенденциями «оттепели». Образ «негероического» героя, духовно слабого и запутавшегося в потоке жизни, не находящего выхода, но не потерявшего представление о некоем возвышенном идеале, сближает это произведение с литературой эпохи застоя. Героя А. Битова не устраивает симулятивная реальность, он стремится освободиться от ложных, мнимых или навязанных извне представлений, достичь гармонии и подлинности, выраженных в образе Пушкина и его творениях, являющихся своеобразным ориентиром как для лирического героя, так и для автора.

В «Оглашенных» повествование ведётся от первого лица. В попытке понять себя повествователь вводит две позиции: его личность делится на «я» и «он». Это можно назвать постмодернистским игровым приемом, суть которого заключается в том, что повествователь, находясь, как и герои, в человеческой, несовершенной системе координат, больше не является воплощением того «феномена», который можно было бы противопоставить слабому и заблуждающемуся герою.

Битов сосредоточился на внутреннем мире ничем не примечательного интеллигента из толпы (ни «бездельник», ни Одоевцев, ни Монахов никакими выдающимися качествами не обладали), но обнаружил в таком типе человека неограниченный духовный потенциал. Его герои склонны к бесконечному процессу самопознания и пространным рассуждениям по поводу самых обыденных переживаний: недовольство скучной работой; подозрение в супружеской неверности; несчастная любовь; бессмысленность ежедневных занятий.

Один и тот же узнаваемый герой позволяет автору связывать произведения, разные по времени написания, в циклы («Молодой Одоевцев, герой романа», «Улетающий Монахов») или в книги для демонстрации изменений, которые происходят или не происходят с персонажем. Так, например, Алексей Монахов показан на разных этапах взросления (отрочество — молодость — зрелость), причем в каждой новой части романа-пунктира он

становится все более циничен и черств. В противоположность ему главный герой «Колеса», «Уроков Армении», «Путешествия к другу детства», «Грузинского альбома» остается все тем же рефлекслирующим путешественником, живо интересующимся чужими судьбами и страдающим от собственного несовершенства.

Особый случай представляет собой роман «Пушкинский дом», который в литературоведении привычно фигурирует как образец постмодернистского романа, текст которого имеет ярко выраженный интертекстуальный характер, а сюжет наполнен диалогическими переключками. Однако, рассмотренный в контексте заявленной темы — семантического комплекса путешествия, — роман предстает в ином обличье — как пример метафизического движения сквозь русскую литературу (культуру).

Тема литературы органически вплетается в повествование о мировой культуре, и для писателя географическое пространство содержит в себе «маркеры» культуры, те «точки» на карте, которые становятся средоточием важнейших событий национальной жизни. Среди прочих — это места, связанные с жизнью и смертью великих поэтов. В этом отношении повесть «Грузинский альбом» продолжает тему культуры, или образа культуры, намеченную и раскрытую в написанном ранее романе «Пушкинский дом». «Роман-музей» — так охарактеризовали литературоведы жанровую специфику романа, добавим — «роман-музей русского культурного развития». В «Грузинском альбоме» А. Битов продолжает решать вопрос о «путешествии» русской культуры сквозь пространство русской истории, об отражении истории русской литературы в различных артефактах. Так, в главе «Могила поэта», продолжающей традиционную для А. Битова тему Пушкина, автор ставит вопрос: «Где правильнее похоронить поэта: где он родился? Где он писал? Где он погиб?» [Битов, 2013, с. 462]. География литературы теснейшим образом сопрягается с ее пространством, физическим и духовным.

В «Грузинском альбоме», возможно, под влиянием темы «Кавказ и русская литература», особенно очевидным становится «литературоцентризм» А. Битова. Для разговора о литературе он выбирает необычные способы и формы. Так, А. Битов создает своеобразный экзаменационный опросник, где в игровой форме рисует портрет писателя по наиболее известным, «прецедентным точкам» его биографии. Складывается ощущение, что находишься на экзамене по литературе. «...Родился на Украине. Жил в Петербурге и Италии. Не был женат. Путешествовал по Иерусалиму. Получил письмо от Белинского. Просил не хоронить. Перехоронен» [Битов, 2013, с. 462]. Дальше, сразу после этих строк, создается портрет другого персонажа (писателя) русской литературы: «...Родился в Таганроге. По образованию врач. Жил

в Москве, в Мелихово, в Ялте. Путешествовал на Сахалин. Умер в Германии. Похоронен на Новодевичьем...» [Там же, с. 462]. Имена писателей не указаны, специально оставлены многоточия в начале предложений. То, что речь идет о Н. В. Гоголе и А. П. Чехове, понятно всем, кто знаком с русской и мировой классикой. Подобный «экзамен» — яркий пример игровой коммуникации автора и читателя, устное испытание, где читатель выступает в роли «школьника-студента», а автор — в качестве учителя. А. Битов и на самом деле учитель, но не только в литературе, он учитель жизни.

«Траектория» преодоления пространства включает, по А. Битову, два главных символических образа, два «знака» в линии человеческой жизни — Дом и Дорогу. Так, размышляя о Л. Н. Толстом, писатель отмечает: «Но где же тогда дом, ...когда же поэт в нем жил? Он в нем или родился, или умер. Приезжал в гости. Один Лев Толстой... да и тот, в конце концов, не выдержал и умер в дороге... Нет никакого дома — одна дорога. Путь. И... начало пути, место рождения...» [Битов, 2013, с. 463].

Единство сюжунитного и вечного — постоянное мироощущение А. Битова. И в этом своем отношении к жизни Битов ощущает родство с русскими классиками, привнося тем самым в классические формулы новую жизнь. В качестве примера можно привести глубокую связь А. Битова с А. П. Чеховым, с которым он нередко ведет незримый диалог. Герой-рассказчик откровенно говорит нам о своем чувстве уважения и симпатии к А. П. Чехову: «... я симпатизирую Антону Павловичу во всю меру своего знания и понимания...» [Битов, 2013, с. 458]. А. Битова роднит с А. П. Чеховым ощущение исторической памяти, уходящей в глубину веков.

В путешествиях битовский человек, — пишет М. Эпштейн, — как бы заново открывает для себя мир детства, странный, впервые возникший, чистый от опыта. Чужая страна учит познавать отличия, «единичности» как в пространстве, так и во времени. Для лирического героя А. Битова города и реки, слова и понятия оказываются разными, не только такими, с которыми он свькся у себя на родине. Каждый миг в незнакомом месте начинаешь ощущать как неповторимый. «“Сейчас — я — здесь” — время, личность и пространство сомкнуты единожды и нерасторжимо» [Эпштейн, 1978, с. 276].

Немаловажным представляется вопрос о «поколенческой идентичности» писателя. Творчество А. Битова нельзя отнести ни к одному из течений и направлений в современной русской литературе, разве что включить его в традицию создания «петербургского текста» благодаря «Пушкинскому дому». Трудно «привязать» его к поколенческим поискам «шестидесятников» или «сорокалетних». Литературовед Наталья Борисовна Иванова следующим образом характеризовала «самодостаточность» писателя: «Сам

по себе. Наособицу. В стороне. И — *сам себе*: поколение. Сам себе — направление» [Иванова, 1988, с. 167]. Она также отмечает в нём трезвость ученого и страсть дилетанта: «Дилетантизм Битова так же принципиален, как и постоянная работа его сознания. Скорее даже не дилетантизм, а тяга ко всему еще неизведанному, неопробованному, не открытому — для себя лично. Не столько дилетант — простодушный неофит. Но: дилетант (или неофит), способный к ускоренному обучению и благодарному восприятию» [Там же, с. 168].

Исследование (и создание) семантического комплекса путешествия у Битова сопровождается творческими (теоретическими) находками. Так, Битов вольно или невольно оказался новатором в воплощении идей «остранения» В. Шкловского и «внезаходимости» М. Бахтина. Новаторский прием был реализован практически во всех текстах Битова. В романе «Пушкинский дом» автор обращается к бахтинской идее внезаходимости, усматривая «двойной вектор»: культура есть освоение прошлого с позиций настоящего, и наоборот — настоящего с позиции прошлого. Именно этой полноты двойного постижения так и не смог освоить главный герой романа, но хорошо понял его дед, наследник другого пласта пространства русской культуры — золотого и серебряного века.

5. Заключение

В заключении можно сказать, что благодаря повестям утверждается и жанр путешествия, травелога, призванного не только осваивать новые пределы в географическом смысле, но и раздвигать горизонты духовного пространства, вовлекающего в себя пространство культуры, внутренний мир человека-творца, расширяющего свои временные исторические границы. Путешествие становится фактором создания такого пространства и одновременно формой постижения вглубь его природы.

Особое значение на последнем отрезке линии творческой судьбы писателя приобретает фактор Литературы. Для Битова она является не только суммой произведений великих авторов. Литература становится самой историей и фактором существования человека в истории. Литература — это образ жизни и само Знание о себе и о мире. Это один из видов постижения мира. В композиционном смысле литература является связующим звеном в архитектурном целом битовского образа мира. В центре Пространства русской культуры стоит Пушкин, олицетворяющий нравственный и эстетический идеал, служащий ориентиром духовности и человечности, эталоном эстетическим и даже объектом религиозного почитания. Пушкин — родоначальник Петербургского текста, в который свой вклад внес и

Битов как общей своей приверженностью к теме, так и «самым петербургским» своим романом «Пушкинский дом».

Творчество писателя становится единым художественным целым за счет жанрового синтеза. Постепенно нарастает осознание того факта, что все произведения писателя соединяются в единый текст, эстетически целостный, но одновременно открытый и не имеющий четких границ. Этот текст создается всю жизнь и никогда не завершается. Так возникает «гиперциклическое», или даже «гипертекстуальное», единство — Империя в четырех измерениях, здесь в циклической гармонии соседствуют тексты разных жанров — от художественной прозы до публицистики и литературной эссеистики. Все вместе они образуют своеобразный метатекст семантического комплекса путешествия. Приверженность Битова к цикличности и к традиции проявляется и в том, что он внес свой вклад в оформление культурного петербургского текста как части национальной культурой памяти.

Формирование образа мира у Битова немислимо без участия героя — человека творчества, не мыслящего своей жизни без возможности свободного самовыражения. Писатель создает образ повествователя-путешественника, для которого его друзья-творцы являются отражением своего собственного мировоззрения, альтер-эго художника. Возникает своеобразный коллективный портрет нового свободного человека, с самим автором в центре изображения, нового человека — творца нового пространства культуры. Так осуществляется процесс поиска авторской идентичности в контексте поиска идентичного героя. По А. Битову, творчество в самом широком смысле раскрывается как воплощение свободы, а нравственно-этическим и эстетическим идеалом выступает личность и творчество А. С. Пушкина. В структуре семантического комплекса путешествия вычленяются географическое пространство, пространство культуры как воплощения времени и пространство внутреннего мира человека. Эти параметры создают перекрестную систему координат.

Источники и принятые сокращения

1. *Битов А. Г.* Путешествие из России / А. Г. Битов. — Москва : Астрель, 2013. — 505 с.
2. *Битов А. Г.* Битва / А. Г. Битов. — Москва : ArsIs Books, 2009. — 120 с.
3. *Битов А. Г.* Преподаватель Симметрии / А. Г. Битов. — Москва : Фортуна Эл, 2008. — 408 с.
4. *Битов А. Г.* Я принадлежу к самому темному поколению [Электронный ресурс] / А. Г. Битов // Wlna.info. — Режим доступа : <https://wlna.info/ukraine/34682-pisatel-andrey-bitov-ya-prinadlezhu-k-samomu-temnomu-pokoleniyu.html> (дата обращения 20.09.2020).
5. БРЭ — (*Большая российская энциклопедия*). Русские писатели 20 века : биограф. словарь / гл. ред. П. А. Николаев. — Москва : Большая Рос. энцикл. : Рандеву-АМ, 2000. — 808 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Генис А. А.* Пейзаж зазеркалья : Андрей Битов / А. А. Генис. — В книге : Генис А. А. Иван Петрович умер : статьи и расследования / А. А. Генис. — Москва : Новое литературное обозрение, 1999. — С. 39—43. — ISBN 5-86793-077-7.
2. *Гурьянова М. А.* Жанровые процессы в прозе А. Г. Битова: 1960—1970-е годы : диссертация ... кандидата филологических наук / М. А. Гурьянова. — Екатеринбург, 2009. — 202 с.
3. *Золотусский И.* Познание настоящего / И. Золотусский // Вопросы литературы. — 1975. — № 10. — С. 3—37.
4. *Иванова Н. Б.* Точка зрения : о прозе последних лет / Н. Б. Иванова. — Москва : Советский писатель, 1988. — 424 с. — ISBN: 5-265-00459-9.
5. *Плоткин Л.* Размышления в пути [Электронный ресурс] / Л. Плоткин // Международный культурный портал Эксперимент. — 2017. — Режим доступа : <https://md-eksperiment.org/post/20170613-razmyshleniya-v-puti> (дата обращения 09.10.2020).
6. *Шевченко Л. И.* Фундаментально — о Битове : рецензия на монографию Т. Дудек-Листван «Андрей Битов — человек, труд, мысль» / Л. И. Шевченко. — С. 1—7. — Режим доступа : <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/31021/30-Shevchenko.pdf?sequence=1>.
7. *Шуваева-Петросян Е.* Андрей Битов и Армения : рождение путешественника и жанра путешествия [Электронный ресурс] / Е. Шуваева-Петросян // Армянский музей Москвы и культуры наций. — 2018. — 4 декабря. — Режим доступа : <https://www.arm-museum.ru/news-blog/abitov> (дата обращения 30.11.2020).
8. *Эпштейн М. Н.* Время самопознания (рец. на изд.: Андрей Битов, Семь путешествий, Л., 1976; его же, Дни человека. Повести, М., 1976) / М. Н. Эпштейн // Дружба народов. — 1978. — № 8. — С. 276—280.
9. *Якунина И. А.* Повествовательная идентичность в прозе Битова 1960-х — 1970-х гг. : автореферат диссертации ... кандидата педагогических наук / И. А. Якунина. — Магнитогорск, 2009. — 19 с.

SEMANTIC COMPLEX OF TRAVEL IN WORK OF A. G. BITOV

© **Elrashid Ali Mohammed Adam (2021)**, orcid.org/0000-0003-2058-2901, Postgraduate student, assistant, Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia), mody.adams@mail.ru.

© **Alexander G. Kovalenko (2021)**, orcid.org/0000-0002-6747-285X, ResearcherID Y-2821-2018, Doctor of Philology, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia), ak-taurus@mail.ru.

The semantic complex of travel in the work of Andrey Bitov is analyzed. It has been proven that the range of the writer's travelers is very wide; they correlate with each other. The authors state that, in a broad sense, A. Bitov's literary travels add up to an extensive travel catalogue, which presents all kinds of embodiment of artistic space and time. In addition, the writer's work is viewed as the embodiment of the vector of movement in the "space

of freedom”, as the space of “longing for culture.” Particular attention is paid to a cycle of stories about the Soviet republics, where important tools for the writer to create the image of the Empire — the reflective and questioning author (Socratic dialogue) were found. The question about the position of exclusion (M. Bakhtin) and defamiliarisation (V. Shklovsky) is raised. The novelty of the study is seen in the fact that travel stories have become at the same time a defamiliarized narrative about Russia. The conclusion is made that the semantic complex of travel in the work of A. Bitov connects the geographical (physical) and spiritual (metaphysical) spaces, that is, the external objective world and the internal spiritual and intellectual space.

Key words: travel genre; travelogue; A. Bitov; Armenia; Georgia.

MATERIAL RESOURCES

- Bitov, A. G. (2008). *Prepodavatel Simmetrii* [Symmetry teacher]. Moskva: Fortuna El. 408 p. (In Russ.).
- Bitov, A. G. (2009). *Bitva* [Battle]. Moskva: Arsis Books. 120 p. (In Russ.).
- Bitov, A. G. (2012). Ya prinadlezhu k samomu temnomu pokoleniyu [I belong to the darkest generation]. In: *Wlna.info*. Available at: <https://wlna.info/ukraine/34682-pisatel-andrey-bitov-ya-prinadlezhu-k-samomu-temnomu-pokoleniyu.html> (accessed 20.09.2020). (In Russ.).
- Bitov, A. G. (2013). *Puteshestvie iz Rossii* [Travel from Russia]. Moskva: Astrel. 505 p. (In Russ.).
- BRE — *Russkie pisateli 20 veka: biograf. slovar'* [Russian writers of the 20th century: biographer. dictionary]. (2000). Moskva: Bolshaya Ros. entsikl.: Randevu-AM. 808 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Epshteyn, M. N. (1978). Vremya samopoznaniya (rets. na izd.: Andrey Bitov, 7 puteshstviy, L., 1976; ego zhe, Dni cheloveka. Povesti, M., 1976) [The time of self-knowledge (rev. On the edition: Andrey Bitov, Seven travels, L., 1976; his own, Days of a Man. Tale, M., 1976)]. *Druzhba narodov* [Friendship of Peoples], 8: 276—278.
- Genis, A. A. (1999). Peyzazh zazerkaliya: Andrey Bitov [The landscape through the looking glass: Andrey Bitov]. In: Genis, A. A. *Ivan Petrovich umer: statyi i rassledovaniya* [Ivan Petrovich died: articles and investigations]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. 39—43. ISBN 5-86793-077-7. (In Russ.).
- Guryanova, M. A. (2009). *Zhanrovyye protsessy v proze A. G. Bitova: 1960—1970-e gody: PhD Diss.* [Genre processes in A. G. Bytov's prose: 1960—1970s: PhD Diss.]. Ekaterinburg. 202 p. (In Russ.).
- Ivanova, N. B. (1988). *Tochka zreniya: o proze poslednikh let* [Point of view: on the prose of recent years]. Moskva: Sovetskiy pisatel. 424 p. ISBN: 5-265-00459-9. (In Russ.).
- Plotkin, L. (2017). Razmyshleniya v puti [Meditations on the way]. In: *Mezhdunarodnyy kulturnyy portal Eksperiment* [International Cultural Portal Experiment]. Available at: <https://md-eksperiment.org/post/20170613-razmyshleniya-v-puti> (accessed 09.10.2020). (In Russ.).
- Shevchenko, L. I. *Fundamentalno — o Bitove: retsenziya na monografiyu T. Dudek-Listvan «Andrey Bitov — chelovek, trud, mysl»* [Fundamentally — about Bi-

- tov: a review of the monograph of T. Dudek-Listwan “Andrey Bitov — man, work, thought”]. 1—7. Available at: <http://dspace.nbu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/31021/30-Shevchenko.pdf?sequence=1>. (In Russ.).
- Shuvaeva-Petrosyan, E. (2018). Andrey Bitov i Armeniya: rozhdenie puteshestvennika i zhanra puteshestviya [Andrey Bitov and Armenia: births of a traveler and travel genre]. In: *Armenianskiy muzey Moskvy I kultury natsiy* [Armenian Museum of Moscow and the Culture of Nations]. 4 dekabrya. Available at: <https://www.armmuseum.ru/news-blog/abitov> (accessed 30.11.2020). (In Russ.).
- Yakunina, I. A. (2009). *Povestvovatel'naya identichnost' v proze Bitova 1960-kh — 1970-kh gg.: author's abstract of PhD Diss.* [Narrative Identity in Bytov's Prose of the 1960s — 1970s. Author's abstract of PhD Diss.]. Magnitogorsk. 19 p. (In Russ.).
- Zolotusskiy, I. (1975). Poznanie nastoyashchego [Knowledge of the present]. *Voprosy literatury* [Literature issues], 10: 3—37. (In Russ.).